

DOI: 10.53737/7473.2023.69.65.022

Л.Ф. Абзалов, М.С. Гатин, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев

**К ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ЧИНГИЗИДСКИХ ГОСУДАРСТВАХ XIII—XIV ВВ.***

В статье анализируется деятельность правителей чингизидских государств XIII—XIV вв. по охране правопорядка в городах и прочих населённых пунктах. Прослеживается эволюция институтов, осуществлявших правоохранительные функции в Монгольской империи и её улусах. Основное внимание уделяется соотношению монгольских имперских и местных принципов и институтов в отдельных улусах с учётом их специфики и традиций в организации правоохранительных структур. Впервые в научный оборот вводится русский перевод ярлыка о назначении на должность исфахсалара — сановника, отвечающего за охрану правопорядка в монгольском Иране из трактата «Дастур ал-катиб», составленного персидским чиновником Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани в 1360-х гг. Авторы приходят к выводу, что в организации охраны правопорядка в улусах Чингизидов в рассматриваемый период проявлялись примерно одинаковые тенденции — усложнение системы правоохранительных органов, активное вовлечение в эту деятельность представителей местного населения, существенное влияние прежних традиций стран и регионов, находившихся под властью потомков Чингис-хана.

Ключевые слова: Монгольская империя, Улус Джучи, монгольский Иран, империя Юань, правоохранительные органы, ханские ярлыки, традиционные государства, власть, управление.

Сведения об авторах: Абзалов Ленар Фиргатович¹, кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Гатин Марат Салаватович², кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Мустакимов Ильяс Альфредович³, кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; Почекаев Роман Юлианович⁴, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

Контактная информация: ¹2420111, Россия, г. Казань, Лево-Булачная ул., 44, Казанский (Приволжский) федеральный университет, e-mail: ¹len_afzal@mail.ru; ²marat_gata@mail.ru; ³010000, Республика Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева, д. 2, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, e-mail: imus2007@mail.ru; ⁴194100, Россия, г. Санкт-Петербург, Кантемировская ул., 3, корп. 1, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, e-mail: rpochekaev@hse.ru.

L.F. Abzalov, M.S. Gatin, I.A. Mustakimov, R.Yu. Pochekaev**ON THE HISTORY OF ORGANIZATION OF THE LAW ENFORCEMENT ACTIVITY
IN THE GENGHISIDS STATES, THE 13th — 14th cc.**

The paper analyses activity of the Genghisid rulers of the 13th—14th century related to protection of law and order in cities and rural settlements. The evolution of law enforcement institutions in the Mongol Empire and its uluses is observed. The special attention is paid to the combination of imperial and regional principles and institutions in the organization of law enforcement structures. The article provides the first Russian translation of a jarlig on the appointment of ispahsalar, the high official who was in charge of law and order protection in Mongol Iran; the account was extracted from ‘Dastur al-katib’, the treatise written in the 1360s by Muhammad b. Hindushah Nakhchivani, an official of the Hulaguids and the Jalayirids. There have been similar trends in the Genghisid states of the 13th—14th century in the area of law enforcement such as sophistication of institutions,

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, реализуемого в Воронежском государственном университете.

Статья поступила в номер 24 июля 2023 г.

Принята к печати 5 августа 2023 г.

involving of local peoples in law enforcement activity, as well as substantial influence of earlier traditions of countries and regions which were under power of the Genghisids.

Key words: Mongol Empire, Golden Horde, Hulaguid state, Yuan Empire, law enforcement institutions, jarlig, traditional states, power, administration.

About the authors: Abzalov Lenar Firgatovich¹, PhD (History), Kazan (Volga Region) Federal University; Gatin Marat Salavatovich², PhD (History), Kazan (Volga Region) Federal University; Mustakimov Ilias Al'fredovich³, PhD (History), L.N. Gumilyov Eurasian National University; Pochekaev Roman Yulianovich⁴, Dr. habil. (History), PhD (Law), Professor, HSE University in St. Petersburg.

Contact information: ¹420111, Russia, Kazan, Levo-Bulachnaya Str., 44, Kazan (Volga Region) Federal University, e-mail: ¹len_afzal@mail.ru, ²marat_gata@mail.ru; ³010000, Republic of Kazakhstan, Astana, 2 K. Satpayev Str., L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: imus2007@mail.ru; ⁴194100, Russia, Saint Petersburg, Kantemirovskaya Str., 3, bd. 1, HSE University in Saint Petersburg, e-mail: rpochekaev@hse.ru.

Продолжая исследование тематики, связанной с охраной законности и правопорядка в средневековых тюрко-монгольских государствах, начатую в статье о мерах по обеспечению безопасности торговых путей (Абзалов и др. 2022), авторы обращаются к другому аспекту правоохранительной деятельности Чингизидов в XIII—XIV вв. — организации правоохранительной деятельности и функционированию ее институтов.

Сразу стоит отметить, что потомки Чингис-хана и большинство их приближенных уделяли основное внимание охране правопорядка на обширных территориях в Степи и на путях между городами. За безопасность в этих местностях отвечали как начальники караванов (о которых шла речь в нашей вышеупомянутой статье), сопровождавшие торговцев по пути из одного населенного пункта в другой, так и туткаулы — командиры отрядов, в ведении которых находилась та или иная местность, в которой они должны были, наряду с прочими обязанностями, бороться с преступностью (см., напр.: Григорьев 2004: 97).

Однако после завоевания обширных оседлых территорий Средней Азии, Китая, Ирана под контролем монгольских правителей оказались многочисленные населенные пункты, в том числе — крупные города, являвшиеся центрами ремесла и торговли, транспортными узлами и т.д. Выстраивать в них систему охраны правопорядка по аналогии со степными или сельскими местностями было, во-первых, неэффективно, во-вторых, совершенно непривычно для кочевников. В результате Чингизиды были вынуждены создавать новые институты охраны правопорядка, в которых постарались соединить элементы монгольской имперской традиции управления и опыт организации такой деятельности на завоеванных территориях.

Первой правоохранительной структурой в Монгольской империи, несомненно, следует считать гвардию Чингис-хана — «кешик», которая осуществляла функцию обеспечения безопасности самого правителя и его ставки. Ее обязанности по охране правопорядка были сформулированы Чингис-ханом еще на начальном этапе формирования гвардии, около 1204 г., когда он назначил «80 человек кебтеулов, — ночной охраны, и 70 человек турхаудов, — дневной гвардейской стражи», четко определив порядок несения ими службы по охране своей ставки, а позднее предоставив кебтеулам также и судебные полномочия (Козин 1941: 144, 173). Гвардия в то же время представляла собой своеобразный «кадровый резерв»: именно из числа кешиктенов назначались высшие военачальники и сановники в активно расширяющейся державе Чингис-хана и его потомков. Причиной быстрого карьерного роста гвардейцев основателя Монгольской империи являлось отсутствие четкого разделения обязанностей ханских приближенных, которые одновременно и обеспечивали безопасность хана, и выполняли функции придворных чиновников, и в то же время привлекались к управлению государством (Кычанов 1993: 151—152).

Достаточно архаичная ханская гвардия¹ не могла не измениться по мере расширения империи и эволюции ее системы власти и управления. Любопытно, что сам институт

¹ Исследователи находят ее аналоги и в более ранних кочевых империях — от хунну до чжурчженей (Кычанов 1993: 148—149).

кешиктенов как личной императорской стражи сохранился только в империи Юань (в которой наиболее широко были задействованы китайские институты власти и управления) — в качестве символа имперской властной традиции (Melville 2006: 141). Однако при этом он подвергся весьма значительной трансформации.

Во-первых, в его состав стали включать не только представителей монгольской знати (как изначально задумывал Чингис-хан), но и покоренных народов — сэ-му (выходцев из Средней Азии), канглов и кипчаков, киданей, чжурчженей и даже корейцев и китайцев. Во-вторых, назначение в состав кешика осуществлялось по личному волеизъявлению хана-императора или рекомендации канцлера, поэтому неудивительно, что в состав гвардии попадали не только военные², но и служители почтовых станций, гражданских органов власти и управления и даже... деятели искусств. Понятно, что далеко не все новоназначенные кешиктены могли эффективно осуществлять охрану ханской резиденции и законности и правопорядка в столице империи Юань. Согласно китайской династийной истории «Юань ши», в составе кешика стали выделяться лица, ответственные за ханский гардероб, дворцовую кухню (баурчи), уход за дворцовыми лошадьми и верблюдами (моринчи и темечи), составители ханских указов, других документов и хроник (зарлигчи и бичечи/битикчи) и т.д. Единственным подразделением, сохранившим прежние обязанности по охране законности и правопорядка остались кулаганчи (hu-la-han-ch'ih, qulaγanči), ловившие воров (Farquhar 1990: 245—246; Hsiao 1978: 93—94). Поскольку в это же время Хубилай под влиянием своих китайских советников стал весьма активно внедрять в имперскую систему управления традиционные китайские административные институты, получилось, что некоторые управленческие функции в Юань дублировались кешиктенами и чиновниками из вновь созданных управлений и департаментов. В результате представители ханской гвардии превратились в своеобразных контролеров деятельности соответствующих административных учреждений (что также можно условно отнести к правоохранительной функции), а также выполняли другие ответственные поручения ханов-императоров (Hsiao 1978: 40; Melville 2006: 142). Статус кешиктенов был весьма высок: даже в «Чжи-чжэн тяо-гэ» — самом позднем юаньском своде законов, составленном в 1346 г., они упоминаются наряду с представителями ханского рода и высшими сановниками (Сидорович 2019: 287).

Как бы то ни было, в масштабах огромной и многолюдной империи Юань, особенно в ее китайской части с многочисленными городами и другими населенными пунктами осуществлять правоохранительную функцию кешик не мог в силу своего статуса личной гвардии императоров. Поэтому власти Монгольской империи, а затем и империи Юань возложили обязанности по охране законности и правопорядка на местные гарнизоны. Естественно, в полной мере они могли доверять только кочевникам — тюркам и монголам, однако они не были столь многочисленны, чтобы укомплектовать гарнизоны по всему Китаю³, кроме того, местный климат и рельеф негативно влияли на их боевые качества (May 2012: 64). Поэтому уже при хане Угедэе, на рубеже 1220—1230-х гг. были предприняты первые попытки привлечения местного покоренного населения к службе в гарнизонах и, соответственно, охране правопорядка в завоеванных местностях (Hsiao 1978: 74; см. также: Храпачевский 2009: 212)⁴. В 1260-х гг. Хубилай официально закрепил серией своих указов порядок призыва китайцев в армию. А для гарантии их

² Еще в 1263 г. хан Хубилай издал указ о том, что каждый тумен и тысяча должны направлять в кешик по одному воину с полным обеспечением, включая оружие, провиант, лошадей и другой скот, а также слуг и других зависимых лиц (Жычанов 1993: 152—153; Hsiao 1978: 76—77; см. также: Храпачевский 2009: 213—214).

³ К тому же Хубилаю и его преемникам постоянно приходилось держать многочисленные конные контингенты на севере своих владений, чтобы противостоять враждебному Чагатайскому улусу и оппозиции в Монголии.

⁴ Эти городские гарнизоны следует отличать от подразделений «таммачи» или «тамма», которые включали как монголов, так и представителей других народов, располагались в специально отведенных им владениях вне городов и выполняли не правоохранительные функции, а общий контроль над покоренным населением, будучи готовыми в случае мятежа немедленно подавить его (Hsiao 1978: 54; см. также: Храпачевский 2009: 211—212; Норе 2016: 94).

лояльности во главе китайских соединений были поставлены монгольские и тюркские военачальники — темники⁵ в каждой провинции (lu) и тысячники в каждом уезде (hsien) (Farquhar 1990: 248—255; Hsiao 1978: 18, 54). Поскольку управление в этих административно-территориальных единицах осуществляли гражданские наместники, то вполне логично предположить, что на темников и тысячников были возложены именно оборонительные и правоохранительные функции. Кроме того, согласно «Юань ши», монгольские власти старались как можно чаще проводить ротацию подразделений, переводя их из одной провинции в другую (Hsiao 1978: 92 и след.) — чтобы китайские солдаты не имели возможности укрепить связи с местным населением и, соответственно, вместе с ним выступить против власти Чингизидов.

В монгольском Иране ханская гвардия кешик, по-видимому, не обладала таким значением, как в империи Юань: исследователями обнаружены в персидских исторических источниках чингизидского периода всего несколько упоминаний этого термина. Поэтому ряд авторов, вероятно, на основе параллелей с монгольским Китаем, приходит к выводу, что гвардейцы Хулагуидов очень быстро, уже при первых ильханах, трансформировались в представителей системы власти и управления: секретарей и писцов (битикчи), судей (яргучи), доверенных посланцев (эльчи) и т.д. (Норе 2016: 118; Melville 2006: 146—150). Кроме того, Рашид ад-Дин упоминает, что из «четырёх казиков» (кешиков — т.е., смен охраны ильханов) назначались четыре наиболее доверенных эмира, контролировавших процесс составления ханских ярлыков и заверения их тамгой (Thackston 1998—1999: 713; ср.: Рашид ад-Дин 1946: 275)⁶. Тем не менее, сам факт упоминания историком «казика» как ханской стражи, дает основание считать, что охрана законности и правопорядка в резиденции ильханов и в столице в целом была организована на основе системы, заложенной еще Чингис-ханом.

Однако, как и в Юань, представители личной гвардии ильханов не могли и не должны были обеспечивать законность и правопорядок на территории всего обширного государства Хулагуидов. Поэтому здесь — опять же, как в монгольском Китае, — было принято решение привлекать местное население к правоохранительной деятельности в городах (Норе 2016: 21—22; Morgan 1979: 95; ср.: Amitai 2017: 41, 48).

Надо сказать, что в Иране задолго до монголов существовала развитая система «полицейских» органов. Частично правоохранительную деятельность в столице осуществляла гвардия халифов «шурта» (в этом отношении мало отличавшаяся от кешика монгольских ханов), однако поскольку ее главной обязанностью было обеспечение безопасности правителя, то во время частых выездов халифов из столицы гвардия отправлялась вместе с ним. Поэтому и в Багдаде и, по всей видимости, других городах правоохранительная функция была возложена на городское население, формировавшее «ма'уну» — нечто вроде «добровольной народной дружины». Возглавлял эту структуру сахиб ал-ма'уна, считавшийся государственным чиновником и даже получавший жалование за счет отчислений в его пользу части таможенных сборов. В середине X в. власть в Багдадском халифате захватили Буиды, при которых впервые наряду с халифом появляется светский правитель султан, именно последнему стали подчиняться эти добровольные «полицейские» подразделения, он же назначал их начальника, нередко продавая эту должность за деньги. Сельджуки, сменившие Буидов в середине XI в., и, вероятно, не доверявшие вооруженным горожанам, упразднили как шурту, так и ма'уну, возложив правоохранительную функцию в городах на гарнизоны, подчинявшиеся наместникам — шихнэ. Однако после того, как в середине XII в. халифы вернули себе светскую власть, они возродили шурту, вернув ей и полицейские полномочия (Михайлова 1990: 24).

⁵ Вероятно, в зависимости от значения провинций эти темники являлись «высшими», «средними» и «низшими» (Hsiao 1978: 115).

⁶ По мнению некоторых исследователей, именно эти эмиры впоследствии стали четырьмя карачи-беками, т.е. наиболее влиятельными представителями кочевой знати при ханах в разных тюрко-монгольских государствах (см., напр.: Atwood 2006: 163; Норе 2017).

Не учитывать длительный и эффективный опыт организации правоохранительной деятельности в Иране монгольские правители не могли, поэтому, в свою очередь, предприняли попытку привлечения местного оседлого населения к охране законности и правопорядка в городах. Но чтобы не смешивать вновь создаваемые подразделения с тюрко-монгольскими войсками⁷, также размещавшимися во многих регионах, в т.ч. и оседлых, они выделили эту «полицию» в самостоятельную структуру, во главе которой поставили собственного начальника с привычным для оседлого мусульманского населения Ирана названием — исфахсалара.

Термин «исфахсалар»⁸ («сепасалар») впервые встречается в источниках еще эпохи Сасанидов, обозначая военного предводителя. Широкое распространение этот термин получает, начиная с эпохи Буидов, в правление которых, однако он сильно девальвировался, присваиваясь командирам сотен и, по некоторым данным, даже десятков. Поэтому Великие Сельджуки, в свою очередь придя к власти, ввели дополнительные названия для обозначения предводителей войска — «исфахсалар-и бузург» и «амир-и исфахсалар» (Bosworth et al. 1997: 208—209). Да и оригинальный термин вновь стал обозначать военачальников более высокого уровня, причем преимущественно тюркского происхождения⁹: из документов сельджукидской эпохи (в частности, султанских указов) можно увидеть, что именно из исфахсаларов назначались правители крупных областей-вилаяетов (правда, при этом в их подчинении также могли быть исфахсалары, но низшего уровня!), получая при этом обширные земельные пожалования — икта (Курпалидис 1992).

Из Ирана этот термин распространился на другие регионы. Например, в державе хорезмшахов исфахсаларами называли военных губернаторов пограничных областей (Bosworth et al. 1997: 209)¹⁰. Весьма интересным представляется использование термина «исфахсалар» у Газневидов: эту должность занимали предводители индийских войск и добровольцев, тогда как официально занимавший пост главнокомандующего назывался «хаджиб»¹¹.

В монгольский период термин «исфахсалар» в Иране поначалу практически не использовался, поскольку широкое распространение в военной сфере получили звания и должности тюрко-монгольского происхождения. В частности, применительно к начальному периоду истории Ильханата, Рашид ад-Дин упоминает лишь одного сипасалара — Захир ад-Дина, который в 1256 г. вместе с двумя другими сановниками был отправлен на переговоры к лидеру исмаилитов Хуршаху (Рашид ад-Дин 1946: 28—29; Hammer-Purgstall 1842: 98). По всей видимости, это был персидский военачальник, поступивший на службу к Хулагу, который, впрочем, тут же включил его в монгольскую имперскую иерархию: в «Сборнике летописей» он фигурирует как «сипасалар-битикчи».

Нет сомнения, что только задействование в правоохранительной деятельности большого числа оседлых подданных ильханов вернуло в административный оборот этот термин. Однако анализ ярлыка о назначении исфахсалара показывает, что Чингизиды придали ему совершенно иное значение. Как и в предыдущих своих работах мы приводим сравнительный перевод документа: с немецкого языка, который осуществил австрийский востоковед Й. фон Хаммер-Пургшталь в первой половине XIX в., и современный перевод с персидского оригинала.

⁷ Мы не разделяем мнения ряда исследователей, что принятие ислама ильханом Газаном в конце XIII в. повлекло стирание различий между его тюрко-монгольскими и персидскими подданными (см., напр.: Morgan 1979: 93—95). Анализируемый нами комплекс ярлыков их «Дастур ал-катиб» позволяет утверждать обратное: должности и полномочия довольно четко делились между представителями обеих групп населения.

⁸ Исфахсалар считается арабизированной формой оригинального персидского термина «сепасалар» (Bosworth et al. 1997: 208).

⁹ Достичь вершин карьерной лестницы могли и те исфахсалары, которые начинали свой путь в качестве «военных рабов» (мамлюков) (Курпалидис 1992: Гл. 4).

¹⁰ Ата-Малик Джувеини упоминает сипасалара Али Дуругини среди приверженцев самопровозглашенного хорезмшаха Хумар-тегина (Juvaini 1997: 124), а Шихаб ад-Дин ан-Насави сообщает, что около 1225 г. два сипасалара провозгласили себя самостоятельными правителями ряда областей Хорезма (Ан-Насави 1996: 138).

¹¹ Впрочем, позднее в Индии эпохи Гуридов и Туглуков исфахсаларами вновь стали называть командиров разного уровня (Ашрафян 1960: 13, 83; Bosworth et al. 1997: 210).

Перевод документа

<p>Перевод Й. фон Хаммер-Пургштала (Hammer-Purgstall 1840: 508—509)¹²</p>	<p>Перевод с оригинала (Нахчивани 1976: 155-157 араб. паг.)¹³</p>
<p>XXVIII. Грамота [ярлык] исфехсалару, т.е. военному управителю страны (только один образец)</p> <p>Эмиры улусов, везири, эмиры туменов, доверенные лица (инакан), эмиры тысяч, сотен, военачальники и владельцы имений хорошо оберегаемых земель пусть знают, что поскольку Зейнеддин Али, один из старейших придворных, всегда использовался в больших делах, прославился храбростью и прилежанием, способностями и проницательностью, удостоился особых милостей, подтверждает [это] безупречной осмотрительностью, деятельностью, опытом и деловой хваткой: то посему ему передается военное управление хорошо оберегаемыми землями, чтобы он мог должным образом своими высокими мыслями и глубокой проницательностью постичь и познать состояние народов, дабы, когда он будет рассматривать судебные тяжбы, пусть руководствуется канонами справедливости и беспристрастности, не допуская влияния лести и подкупа. Наказывая виновных, он не должен карать сверх требований закона и во всем иметь богобоязненность, пусть будет он в этом мире из числа праведных и благочестивых, а в грядущем мире из числа помилованных и спасенных. По этим причинам этот указ вступает в силу, чтобы с этого дня и впредь он признавался военным управителем страны, и во всех случаях, которые входят в сферу этой должности, к нему обращались, и никто другой не мог вмешиваться и воспрепятствовать. Пусть назначенные им исфехсалары (военачальники земель) других земель и городов не вмешиваются в его исфехсаларские дела без его письменного указания и разрешения. Никто из военачальников и властителей не должен укрывать от него воров и разбойников, пусть они выдают их людям исфехсалара; он должен назначать стражей [городских] ворот, и ему должны быть переданы исфехсаларские пошлины, чтобы его расходы покрывались этим же, и он мог сосредоточиться исключительно на продвижении своего дела.</p>	<p>Раздел шестнадцатый. О препоручении должности исфахсалара страны</p> <p>Улусным эмирам, везирам, эмирам туменов, тысяч и сотен, хакимам, мутасаррифам вилайетов Богохранимых владений да будет ведомо. Поелику Зайн ад-Дин Хаджи Али относится к давним слугам и снискал себе славу, непрерывно занимаясь свершением великих дел, известен своей смелостью, доблестью, компетентностью и проницательностью, а его чуткость и сострадательность, совершенная твердость и трезвая решительность заслуживают полного и совершенного доверия, ему препоручается должность исфахсалара Богохранимых пределов с тем, чтобы он, руководствуясь своим зрелым мнением и глубоким рассмотрением осведомлялся и разузнавал о положении населения, дабы при рассмотрении дел в суде яргу, он решал дела по закону справедливости и правды, не допускал принуждения и давления (زور و زيادتی) в адрес ни одной из [тяжущихся] сторон, воздерживался и остерегался пристрастности, лицемерия, подыгрывания и мздоимства. Пусть назначает виновным наказание в соответствии с мерой их преступления, не усугубляя им возмездие. Пусть руководствуется страхом Божьим, чтобы в этой жизни быть в числе справедливых, а в грядущей — в числе спасенных. По этой причине настоящий указ издан с тем, чтобы с этой даты его признавали исфахсаларом Богохранимых владений, во всех делах, связанных с обязанностями исфахсалара, обращались к нему, и никто другой не мог вмешиваться и вступать [в его дела]. Пусть исфахсалары вилайетов и городов Богохранимых владений назначаются им и без его письменного распоряжения и разрешения не вмешиваются в исполнение обязанностей исфахсалара [страны]. Пусть никто из наместников (حکام) и влиятельных лиц (منغلبان) не покрывает воров, убийц, разбойников и всех их передают нукерам исфахсалара. Стражники городских ворот пусть назначаются ими (т.е. городскими исфахсаларами. — <i>И.М.</i>). Пусть [люди] платят им положенную исфахсаларам пошлину, чтобы они расходовали ее по согласованию с ним (т.е. исфахсаларом страны. — <i>И.М.</i>), дабы иметь возможность заниматься исполнением своих обязанностей.</p>

¹² Перевод на русский язык выполнен М.С. Гатиным.

¹³ Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

Дипломатический комментарий

В дипломатике условный формуляр документа разделяют на начальный протокол, основную часть и эсхатокол (Busse 1991: 309). В анализируемом образце ярлыка представлен один компонент начального протокола, а именно адресат, в котором указаны основные должностные лица, которые должны принять указ к исполнению. Переход от начального протокола к основной части осуществляется традиционной формулой обнародования «да будет ведомо» (“بداوند كده”), за которой следует наррация, начинающаяся союзом چون («поскольку»). Наррация включает перечисление личных и профессиональных качеств Зайн ад-Дина Хаджи Али. В диспозитивной части документа представлена сущность содержания акта, выражающаяся в назначении на должность исфахсалара и его профессиональные обязанности.

Исходя из того, что канцелярия Джалаири, в сущности, стала правопреемницей канцелярских традиций Ильханидов, можно реконструировать абстрактный формуляр анализируемого ярлыка, исходя из делопроизводственных традиций Чингизидов. Часть компонентов абстрактного формуляра, очевидно, в силу своей шаблонности не была представлена в образце ярлыка. В частности, в начальном протоколе отсутствуют invocatio, которая размещалась в самом начале документа и, как правило, отличалась каллиграфическим исполнением и размером шрифта (Herrmann 2004: 10), а также адресант, в котором указывалось имя и титулы монарха, султана Чингизида или Джалаири (Herrmann 2004: 11—13). В основной части также должна была быть представлена санкция и corroboratio. Обязательным компонентом документа было указание времени и места выдачи документа, входившие в состав эсхатокола.

Формулярный анализ образца ярлыка на назначение исфахсалара страны позволяет сделать вывод о том, что Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани сделал акцент на основной части ярлыка, и в соответствии с персидской традицией дал развернутую характеристику наррации и диспозиции, не включив при этом некоторые элементы основной части, а именно, промульгацию, аренгу, corroboratio и санкцию, а также не дал полного описания типичных для актовых материалов и хорошо известных каждому писцу, начального (за исключением адресата) и конечного протоколов.

Историко-правовой анализ документа

Ярлык о назначении исфахсалара адресован достаточно широкому кругу лиц, первыми среди которых фигурируют высшие сановники (улусные эмиры, везиры), военачальники разного уровня (эмиры туменов, тысяч и сотен), а также представители гражданской региональной и местной администрации (хакимы и мутасаррифы вилайетов). Это подчеркивает, что назначаемому сановнику предстояло взаимодействовать с властями самого разного уровня и компетенции, что в полной мере отражает специфику главы правоохранительной системы.

На должность назначается некий Зайн ад-Дин Хаджи Али, сопоставить которого с известными по источникам государственными деятелями монгольского Ирана авторам не удалось. Тем не менее, есть основания считать, что он принадлежал к военным кругам, поскольку среди его достоинств (ставших причиной назначения на должность именно его) фигурируют такие качества как «смелость, доблесть... и трезвая решимость», а также упоминается, что он уже успел совершить «великие дела». Вместе с тем, он, по-видимому, имел опыт осуществления правосудия, поскольку наряду с качествами, присущими воину, упоминаются также «чуткость и сострадательность», но при этом — «совершенная твердость», «зрелое мнение» и «глубокое рассмотрение».

В результате Зайн ад-Дин назначается на должность «исфахсалара Богохранимых пределов», т.е. обладателя этой должности высшего уровня — это позволяет провести параллели с вышеупомянутыми сельджукскими терминами «исфахсалар-и бузург» и «амир-и

исфахсалар». Это уточнение весьма оправданно, поскольку ниже в ярлыке упоминаются также и «исфахсалары вилайетов и городов», которые назначаются данным сановником и, соответственно, подчиняются ему.

Наиболее интересной частью документа, несомненно, является перечисление должностных обязанностей исфахсалара страны. Как можно увидеть из ярлыка, они включают весьма широкий круг правоохранительных функций. Прежде всего, Зайн ад-Дину хаджи Али следовало отслеживать информацию о положении населения — по всей видимости, речь идет не об общем состоянии его правомерного поведения, а о приеме заявлений от жителей о совершении преступлений (поскольку ниже речь идет уже о судебных разбирательствах) и, позволим себе предположить, создании сети осведомителей — коль скоро представители вновь создаваемого правоохранительного института принадлежали к той же группе подданных ильханов, что и городское население.

Судебная функция исфахсалара заслуживает отдельного внимания. Во-первых, он должен рассматривать дела в суде яргу, т.е. инстанции, действовавшей на основе монгольского имперского законодательства и предписаний ханских ярлыков¹⁴. С одной стороны, как мы отметили, Зайн ад-Дин Хаджи Али руководил правоохранительными структурами, сформированными из местного городского населения, и, соответственно, должен был бы руководствоваться нормами шариата. Однако его деятельность была связана с обеспечением правопорядка и безопасности государства и преследованием наиболее опасных преступников — «воров, убийц, разбойников». Подобные преступления, как известно, разбирались на основе Великой Ясы и иных ханских установлений — следовательно, отнесение их рассмотрения к ведению суда-яргу вполне оправданно. Исфахсалару предписывается решать дела справедливо, не допускать никакого воздействия на участников процесса, сохранять объективность и беспристрастность и не брать взяток, а назначаемые им наказания должны быть соразмерны совершенным преступлениям. Завершается перечень этих требований чисто мусульманским назиданием: «Пусть руководствуется страхом Божьим, чтобы в этой жизни быть в числе справедливых, а в грядущей — в числе спасенных», что позволяет увидеть отражение уже мусульманского представления о правосудии.

Исфахсалару страны даровались весьма широкие возможности вмешательства в административную деятельность областей и городов. Получив сведения о совершении преступлений, он имел право прибегнуть к содействию «наместников и влиятельных лиц», которые не смели отказывать ему и покрывать преступников, игнорируя вышеупомянутые заявления от представителей населения.

Правоохранительная деятельность под руководством исфахсалара, как видно из документа, осуществлялась, во-первых, подчиненными ему нижестоящими исфахсалами, в распоряжении которых были «нукеры» (любопытно, что по отношению к ним применяется монгольский термин) и «стражники городских ворот». Таким образом, речь идет, как и во времена халифата, о представителях городского населения, которые несли службу по охране правопорядка. (Михайлова 1990: 24).

По-видимому, из опыта эпохи Аббасидов была позаимствована и система финансирования этих «полицейских» подразделений — на это указывает упоминание «положенной исфахсаларам пошлины», которую должны платить «люди», т.е. финансирование их деятельности шло не из государственной казны, а именно от самих же жителей.

Анализ документа дает основание предположить, что он мог быть издан в конце 1290-х гг., в правление ильхана Газана, который не только сделал ислам официальной религией Ильханата, но и провел серию реформ, целью которых было усиление централизации государства и укрепление контроля высших органов власти над отдельными регионами.

¹⁴ Нельзя не провести параллель с судебными полномочиями кешиктенов Чингис-хана, которым предписывалось «участие в разрешении судебных дел в Зарго, совместно с Шиги-Хутуху» (Козин 1941: 173).

Однако есть также основания полагать, что Зайн ад-Дин Хаджи Али мог оказаться единственным «исфахсаларом страны». На это указывает, во-первых, тот факт, что в «Дастур ал-катиб» приведен единственный образец такого ярлыка, тогда как в большинстве случаев Мухаммед Нахчивани приводит по три примера ярлыков о назначении на ту или иную должность. Во-вторых, как уже упоминалось, в источниках ильханского времени должность исфахсалара — тем более, в качестве главы правоохранительной системы — не упоминается. По всей видимости, либо сам Газан, либо его ближайшие преемники могли счесть нецелесообразным сосредотачивать столь широкие полномочия в руках одного сановника, имеющего, к тому же, в своем распоряжении больше число вооруженных местных жителей и отказаться от практики назначения исфахсаларов.

Исследователи говорят, что этот термин в Иране, несмотря на малоупотребительность, все же не исчез из обращения. Во-первых, во времена Ильханата его продолжали использовать правители прикаспийских областей — Гиляна и Дейлема¹⁵, которые и власть ильханов признали только в первом десятилетии XIV в.¹⁶, и вообще в течение длительного времени противопоставляли себя населению других частей Ирана (Bosworth et al. 1997: 209). Во-вторых, после распада государства Хулагуидов в ряде областей должность была восстановлена в первоначальном варианте. Так, например, Абу Бакр Ахари сообщает: «В 758 году (1357 г.) Мухаммад Йазди овладел Фарсом. Случилось так, что Бекджуказ отвернулся от Малика Ашрафа, отправился в Шираз к Абу Исхаку, который назначил его командующим войсками (сепасалар) и отправил на войну с Мухаммадом ибн Музаффаром Йазди» (ал-Ахари 1984: 126).

Впоследствии этот термин продолжал применяться в государстве Сефевидов, обозначая, как и в домонгольском Иране, верховного главнокомандующего, а также заместителей крупных областей (Monshi 1930: 184, 1260; Minorsky 1980: 36, 75). В аналогичных значениях он использовался также в государстве Великих Моголов в Индии, где сипасалары могли являться как амир ал-умара (или хан-ханан), т.е. верховными главнокомандующими, либо заместителями провинций (Allami 1978: 37—41; Monshi 1930: 1293).

Как бы то ни было, проанализированный ярлык, по нашему мнению, имеет важное значение для формирования представления о правоохранительной деятельности персидских ильханов. А очевидные параллели с империей Юань позволяют сделать вывод, что аналогичные тенденции могли иметь место и в других чингизидских государствах рассматриваемого периода. К сожалению, сведений о политике правителей Чагатайского улуса в области обеспечения законности и правопорядка в нашем распоряжении не имеется. Что же касается Золотой Орды, то о ней имеются только самые общие сведения как о привлечении местного оседлого населения к военной службе, так и о гарнизонах в крупных и стратегически важных населенных пунктах (Шпулер 2016: 378).

Есть основания полагать, что практика размещения таких гарнизонов, наделенных также и правоохранительными функциями могла использоваться не в последнюю очередь в торговых и портовых городах Причерноморья. Данных о подобной политике именно золотоордынских ханов не сохранилось, однако имеются достаточно ценные сведения о том, как правоохранительная деятельность была организована в одном из наследников Золотой Орды — Крымском ханстве.

Еще в первой половине XVII в. ханы-Гирей стали формировать подразделения из представителей оседлого мусульманского населения Крыма, получившие название «секбаны» или «сеймены», которые сначала насчитывали несколько сот, но к концу века — уже около 1,5 тыс. чел. Согласно источникам, они, подобно кешиктенам монгольских ханов, являлись ханской гвардией телохранителей, но могли также нести гарнизонную службу и выполнять «полицейские» функции — в частности, быть приставами при высших сановниках ханства или иностранных дипломатах, вести розыск преступников, карать

¹⁵ Представление о статусе и функциях сипасалара в этом регионе, полагаем, было достаточно четко сформулировано еще в XI в. Кей-Кавусом, правителем Гиляна (Кабус-наме 1958: 229—231).

¹⁶ Они были подчинены ильханом Олджайту — братом и преемником Газана около 1309 г.

мятежников и мародеров. Этот институт просуществовал до времен последнего хана Шахин-Гирея, при котором было 126 секбанов, а еще около 200 состояли при различных сановниках и администраторах (Шейхумеров 2019: 45—48, 51—55).

Подразделения секбанов, несомненно, были созданы под влиянием османской практики, в которой они существовали уже с конца XIV в. и позднее были включены к янычарский корпус (Ихсаноглу 2006: 275). Однако исследователи подчеркивают, что в Крымском ханстве эта структура была создана в противовес османским янычарам, подразделения которых появились при крымских ханах после признания ими зависимости от Османской империи. Кроме того, с их помощью ханы могли противостоять своим мятежным ханским родичам-Гиреям и беям: всецело обязанные своим положением ханской воле, секбаны являлись наиболее лояльными ему воинскими подразделениями и поэтому нередко выполняли даже «деликатные» карательные задачи (Шейхумеров 2019: 46, 50). Здесь мы, опять же, не можем не провести параллель с гвардией императоров Юань 1320—1330-х гг., в состав которой входили кипчаки, ясы и даже русские (Hsiao 1978: 100; см. также: Храпачевский 2009: 215—216): поскольку их положение зависело от благополучия хана, они являлись самыми доверенными его телохранителями, поскольку ни монголам, ни китайцам юаньские императоры доверять не могли...

Подводя итоги нашему исследованию, мы можем сделать следующие выводы по поводу организации правоохранительной деятельности в государствах Чингизидов.

Во-первых, установление контроля над многочисленными оседлыми регионами с большим количеством крупных городов и населенных пунктов, заставило потомков Чингис-хана привлекать к гарнизонной службе и, соответственно, охране правопорядка большое количество представителей местного населения.

Во-вторых, при организации соответствующих подразделений Чингизиды старались совмещать элементы системы власти, управления и правового регулирования Монгольской империи с местными традициями, в эффективности которых имели возможность убедиться. Так, например, укомплектованные китайцами гарнизоны входили в систему туменов и тысяч, а персидские исфахсалары должны были руководствоваться принципами монгольского суда яргу. В других случаях имело место и прямое иностранное влияние, со стороны государства-сюзерена — как в случае с секбанами в Крымском ханстве.

В-третьих, выявленными нами тенденции, по всей видимости, в рассматриваемый период могли иметь распространение во всех государствах Чингизидов. Полагаем, что это позволяет осторожно экстраполировать имеющуюся информацию об организации правоохранительной деятельности в империи Юань и монгольском Иране на Улус Джучи.

Литература

- Абзалов и др. 2022: Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. 2022. К истории обеспечения безопасности торговых путей в чингизидских государствах XIII—XIV вв. *МАИАСП* 14, 297—313. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.89.86.014.
- Ал-Ахари 1984: Кяимов М.Д., Пириев В.З. (пер.). Ал-Ахари, Абу Бакр ал-Кутби. 1984. *Тарих-и шейх Увейс (История шейха Увейса)*. Баку: ЭЛМ.
- Ашрафян К.З. 1960. *Делийский султанат*. Москва: Восточная литература.
- Григорьев А.П. 2004. *Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.
- Ихсаноглу Э. (ред.). 2006. *История Османского государства, общества и цивилизации*. Т. 1. Москва: Восточная литература.
- Кабус-намэ 1953: Бертельс Е.Э. (пер., ст., комм.). 1953. *Кабус-намэ*. Москва: АН СССР.
- Козин С.А. 1941. *Сокровенное сказание. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Курпалидис Г.М. 1992. *Государство Великих Сельджукидов: официальные документы об административном управлении и социально-экономических отношениях*. Москва: Наука.

- Кычанов Е.И. 1993. Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников). *Mongolica* 2. К 750-летию «Сокровенного сказания», 148—156.
- Михайлова И.Б. 1990. *Средневековый Багдад*. Москва: Наука.
- Ан-Насави 1996: Буниятов З.М. (крит. текст, пер., пред., прим. и указ.). 1996. Ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. *Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны)*. Москва: Восточная литература.
- Нахчивани 1976: Али-заде А.А. (крит. текст, пред. и указ.) 1976. Нахчивани, Мухаммад ибн Хиндушах. *Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней)*. Т. II. Москва: Наука.
- Рашид ад-Дин 1946: Арендс А.К. (пер.), Струве В.В. (отв. ред.). 1946. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. III. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Сидорович С.В. 2019. Главы 29—32 кодекса «Чжи-чжэн тяо-гэ». *Общество и государство в Китае*, XLIX (1), 214—309.
- Золотая Орда в источниках 2009: Храпачевский Р.П. (пер. с кит., сост., введ. ст., коммент.). 2009. *Золотая Орда в источниках*. Т. III: *Китайские и монгольские источники*. Москва: Наука.
- Шейхумеров А.А. 2019. *Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV—XVIII вв.)*. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.
- Шпулер Б. 2016. В: Гатин М.С. (перев., комм.). *Золотая Орда. Монголы в России. 1223—1502*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.
- Allami 1978: Jarrett H.S. (transl.), Sarkar J. (ed.). 1978. Allami, Abul Fazl. *Ain-i Akbari*. Vol. II. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation.
- Amitai R. 2017. Continuity and Change in the Mongol Army of the Ilkhanate. In: de Nicola B., Melville Ch. (eds.). *The Mongols' Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran*. Leiden; Boston: Brill, 38—54.
- Atwood C.P. 2006. Ulus emirs, Keshig elders, signatures and marriage partners: The evolution of a classic Mongol institution. In: Sneath D. (ed.). *Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, 6th—20th Centuries*. Washington: Western Washington University, 141—174.
- Busse H. 1991: Diplomatie. Perse. *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. 2. Leiden: Brill, 301—313.
- Bosworth et al. 1997: Bosworth E., van Donzel E., Lewis B., Pellat Ch. (eds.). 1997. *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. IV. Leiden: Brill.
- Herrmann G. 2004: *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Monshi 1930: Savory R.M. 1930. Monshi, Eskandar Beg. *History of Shah Abbas the Great (Tarik-e Alamaraye Abbasi)*. Vol. I—II. Boulder: Westview Press.
- Farquhar D.M. 1990: *The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- von Hammer-Purgstall J. 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag.
- von Hammer-Purgstall J. 1842. *Geschichte der Ilchane. Das ist: der Mongolen in Persien*. Bd. 1. Darmstadt: Carl Wilhelm Leske Verlag.
- Herrmann G. 2004. *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Hope M. 2016. *Power, politics and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran*. Oxford: Oxford University Press.
- Hope M. 2017. “The Pillars of State”: Some Notes on the Qarachu Begs and the Keshikten in the Il-Khanate (1256—1335). *Journal of the Royal Asiatic Society* 27 (2), 181—199.
- Hsiao Ch'i-ch'ing. 1978. *The Military Establishment of the Yüan Dynasty*. Cambridge: Harvard University Press.
- Juvaini 1997: Mirza M.Q., Boyle J.A. (transl.), Morgan D.O. (intr.). 1997. Juvaini, Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Manchester: Manchester University Press.
- May T. 2012. *The Mongol conquests in World History*. London: Reaktion Books.
- Melville Ch. 2006. The Keshig in Iran: The Survival of the Royal Mongol Household. In: Komaroff L. (ed.). *Beyond the Legacy of Genghis Khan*. Leiden; Boston: Brill, 135—166.
- Minorsky V. (transl.). 1980. *Tadhkirat al-Muluk: A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725)*. Cambridge: E.J.W. Gibb Memorial.
- Morgan D.O. 1979. The Mongol armies in Persia. *Der Islam* 56 (1), 81—96.
- Thackston W.M. (transl.). 1998—1999. *Compendium of Chronicles. A History of Mongols*. Cambridge: Cambridge University Press.

References

- Abzalov et al. 2022: Abzalov, L.F., Gatin, M.S., Mustakimov, I.A., Pochekaev, R.Yu. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region* 14, 297—313. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.89.86.014 (in Russian).
- al-Akhari 1984: Kyazimov, M.D., Piriev, V.Z. (transl.). 1984. al-Akhari, Abu Bakr al-Kutbi 1984. *Tarikh-i sheykh Uveys (Istoriya sheykha Uveysa) (History of Sheikh Uways)*. Baku: Elm (in Russian).
- Ashrafyan, K.Z. 1960. *Deliyaskiy sultanat (The Sultanate of Delhi)*. Moscow: Vostochnay literatura (in Russian).
- Grigor'ev, A.P. 2004. *Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam: Istochnikovedcheskiy analiz zolotoordynskikh dokumentov (Collection of khans' yarighs to Russian metropolitans: Source study analysis of the Golden Horde documents)*. Sain Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet (in Russian).
- Ihsanoglu, E. (ed.). 2006. *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obschestva i tsivilizatsii (History of the Ottoman State, Society and Civilization)*. Vol. I. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
- Kabus-name 1953: Bertels, E.E. (transl., article and comments). 1953. *Kabus-name (Qabus-nama)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Kozin, S.A. 1941. *Sokrovennoe skazanie. Yuan' chao bi shi. Mongol'skiy obydeniy sbornik (The Secret History of Mongols)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Kurpalidis, G.M. 1992. *Gosudarstvo Velikikh Sel'dzhukidov: ofitsial'nye dokumenty ob administrativnom upravlenii i sotsial'no-ekonomicheskikh otnosheniyakh (State of the Great Seljukids: official documents on administrative management and socio-economic relations)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Kychanov, E.I. 1993. In *Mongolica 2. K 750-letiyu "Sokrovennogo skazaniya" (On the Occasion of the 750th Anniversary of the Secret History of Mongols)*, 148—156 (in Russian).
- Mikhaylova, I.B. 1990. *Srednevekoviy Bagdad (Medieval Baghdad)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- An-Nasavi 1996: Bunyatov, Z.M. (trabsl.). 1996. An-Nasavi, Shikhab ad-Din Mukhammad. *Sirat as-Sultan Dzhahal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhahal ad-Dina Mankburny) (The Biography of Jalal al-Din Mankburni)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
- Nakhchivani 1976: Ali-zadeh, A.A. (text, intr., index). 1976. Nakhchivani, Mukhammad ibn Khindushakh. *Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib (Rukovodstvo dlya pistsa pri opredelenii stepeney) (A Scribe's Guide to Determining Degrees)*. Vol. II. Moscow: Nauka (in Russian and Persian).
- Rashid ad-Din 1946: Arends, A.K. (transl.), Struve, V.V. (ed.). Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey (Compendium of chronicles)*. Vol. III. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Sidorovich, S.V. 2019. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae (Society and State in China)* 49 (1), 214—309 (in Russian).
- Zolotaya Orda v istochnikah 2009: Khrapachevskiy, R.P. (comp., transl.). 2009. *Zolotaya Orda v istochnikah (The Golden Horde in Sources)*. Vol. III. *Kitayskie i mongol'skie istochniki (Chinese and Mongolian Sources)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Sheykhumerov, A.A. 2019. *Armiya Krymskogo khanstva: organizatsiya i taktika (XV—XVIII vv.) (Army of the Crimean Khanate: Organization and Tactics (15th—18th cc.))*. Kazan; Simferopol: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Russian).
- Spuler, B. 2016. In: Gatin, M.S. (transl.). *Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii. 1223—1502 (The Golden Horde. The Mongols in Russia, 1223—1502)*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Russian).
- Allami 1978: Jarrett, H.S. (transl.), Sarkar, J. (ed.). 1978. Allami, Abul Fazl. *Ain-i Akbari*. Vol. II. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation.
- Amitai, R. 2017. Continuity and Change in the Mongol Army of the Ilkhanate. In: de Nicola, B., Melville, Ch. (eds.). *The Mongols' Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran*. Leiden; Boston: Brill, 38—54.
- Atwood, C.P. 2006. Ulus emirs, Keshig elders, signatures and marriage partners: The evolution of a classic Mongol institution. In: Sneath, D. (ed.). *Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, 6th—20th Centuries*. Washington: Western Washington University, 141—174.
- Busse, H. 1991: Diplomatie. Perse. *Encyclopedie de l'Islam*. Vol. 2. Leiden: Brill, 301—313.
- Bosworth et al. 1997: Bosworth, E., van Donzel, E., Lewis, B., Pellat, Ch. (eds.). 1997. *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. IV. Leiden: Brill.
- Herrmann, G. 2004: *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Monshi 1930: Savory, R.M. 1930. Monshi, Eskandar Beg. *History of Shah Abbas the Great (Tarik-e Alamaraye Abbasi)*. Vol. I—II. Boulder: Westview Press.

- Farquhar, D.M. 1990: *The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- von Hammer-Purgstall, J. 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A.Hartleben's Verlag.
- von Hammer-Purgstall, J. 1842. *Geschichte der Ilchane. Das ist: der Mongolen in Persien*. Bd. 1. Darmstadt: Carl Wilhelm Leske Verlag.
- Herrmann, G. 2004. *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Hope, M. 2016. *Power, politics and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran*. Oxford: Oxford University Press.
- Hope, M. 2017. "The Pillars of State": Some Notes on the Qarachu Begs and the Keshikten in the Il-Khanate (1256—1335). *Journal of the Royal Asiatic Society* 27 (2), 181—199.
- Hsiao Ch'i-ch'ing. 1978. *The Military Establishment of the Yüan Dynasty*. Cambridge: Harvard University Press.
- Juvaini 1997: Mirza, M.Q., Boyle, J.A. (transl.), Morgan D.O. (intr.). 1997. Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Manchester: Manchester University Press.
- May, T. 2012. *The Mongol conquests in World History*. London: Reaktion Books.
- Melville, Ch. 2006. The Keshig in Iran: The Survival of the Royal Mongol Household. In: Komaroff, L. (ed.). *Beyond the Legacy of Genghis Khan*. Leiden; Boston: Brill, 135—166.
- Minorsky, V. (transl.). 1980. *Tadhkirat al-Muluk: A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725)*. Cambridge: E.J.W. Gibb Memorial.
- Morgan, D.O. 1979. The Mongol armies in Persia. *Der Islam* 56 (1), 81—96.
- Thackston, W.M. (transl.). 1998—1999. *Compendium of Chronicles. A History of Mongols*. Cambridge: Cambridge University Press.